

Къ біографіи Л. А. Мея.

Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные
и знакомые.

(Семейная хроника).

Г л а в а I.

Происхожденіе Льва Александровича, его дѣтство и лицейская жизнь.

Левъ Александровичъ Мей родился въ Москвѣ 16 февраля 1822 года. Дѣдъ его, Иванъ Карловичъ Мей, былъ остзейскій дворянинъ, давно поселившійся въ Москвѣ совершенно и обрусѣвшій, ученый и зажиточный человекъ. У него была большая бібліотека: впоследствии онъ обратилъ ее въ книжную лавку и помѣстилъ въ зданіи Московскаго Воспитательнаго Дома, съ той стороны, которая выходитъ на набережную Москвы-рѣки. Сдѣлавшись поставщикомъ книгъ и учебныхъ пособій Воспитательнаго Дома, Мей заключилъ съ нимъ условіе, по которому Воспитательный Домъ обязывался уплатить ему разные перечисленные убытки. Объ одномъ только не упоминалось въ условіи—о наводненіи, такъ какъ его никогда не бываетъ въ Москвѣ. Но въ одну весну Москва-рѣка такъ широко разлилась, что затопила всю набережную Воспитательнаго Дома и книжную лавку Мея. Книги и все, что тамъ находилось, было унесено волнами и льдинами.

Мей просилъ уплатить ему за понесенные убытки, но Воспитательный Домъ отказалъ ему въ этомъ.

Тогда Императрица Марія Ѳеодоровна, лично знавшая Мея,

желая вознаградить чѣмъ-нибудь его пострадавшее семейство, старшаго сына Ивана Карловича Мея, Петра Ивановича, бывшаго въ то время ея секретаремъ, сдѣлала директоромъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, хотя Петръ Ивановичъ былъ еще очень молодъ. Онъ пробылъ въ этой должности почти всю остальную жизнь, которая была очень продолжительна, но въ послѣдніе годы своей службы, Петръ Ивановичъ назывался главноначальствующимъ всего Воспитательнаго Дома. Это былъ безукоризненно честный и добрый человѣкъ.

Второй сынъ Ивана Карловича Мея, Александръ Ивановичъ, отецъ Льва Александровича, былъ военный. Онъ воспитывался въ первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ; выпущенъ въ офицеры въ началѣ отечественной войны; дѣлалъ кампанію двѣнадцатаго года и на Бородинскомъ полѣ былъ раненъ въ грудь на вылетъ. Сперва считали эту рану смертельною, но молодость и сильный организмъ помогли выздоровленію. Продолжать военную службу Александръ Ивановичъ уже не могъ. Онъ сдѣлался компаньономъ какого-то частнаго общества и черезъ нѣсколько лѣтъ нажилъ небольшое состояніе. Въ 1821 году Александръ Ивановичъ женился на московской дворянѣ, Ольгѣ Ивановнѣ Шлыковой. Высокая, стройная брюнетка, съ великолѣпными темными глазами и такою же роскошною косою, она была замѣчательно красива. Александръ Ивановичъ влюбился въ нее, бракъ былъ по страсти.

Они имѣли уже троихъ дѣтей, когда Александръ Ивановичъ пожелалъ купить имѣніе. Дѣло было совершенно покончено, оставалось заплатить деньги. Взявъ съ собою шестьдесятъ тысячъ руб., Александръ Ивановичъ съ женою отправились въ путь. На дорогѣ у него открылась старая рана, остановились въ первой деревушкѣ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ истекъ кровью и умеръ. Ему не было еще и 35 лѣтъ.

Молодая женщина обезумѣла отъ горя и лишилась чувствъ, а когда она очнулась и въ состояніи была что-нибудь сообразить, денегъ уже не было. Ихъ украли, но кто, осталось тайной навсегда.

Петръ Ивановичъ Мей принялъ самое сердечное участіе въ осиротѣвшей семьѣ брата, помогъ ей и на всю жизнь остался ея покровителемъ. Дядя замѣнилъ отца, и Левъ Александровичъ очень многимъ обязанъ Петру Ивановичу.

Двадцати-четыреохъ лѣтняя вдова, съ тремя маленькими дѣтьми, изъ которыхъ старшему—Льву, едва минуло четыре года; мать Ольги Ивановны, Аграфена Станиславовна, и старшая, незамужняя дочь, Елисавета Ивановна Шлыковы поселились въ Москвѣ, въ

небольшомъ деревянномъ домѣ священника, въ приходѣ Николы—въ Хамовникахъ.

Управленіе хозяйствомъ и воспитаніе дѣтей приняла на себя Елисавета Ивановна, какъ самая сильная и энергичная въ семьѣ. Внезапная потеря страстно любимаго мужа и почти всего состоянія отозвалась на здоровьѣ Ольги Ивановны. Она вынесла тяжелую болѣзнь, отъ которой долго не могла оправиться, и навсегда уже осталась слабою, болѣзненно-впечатлительною и нервною. Хорошая и нѣжная, она сосредоточила всю любовь свою на дѣтяхъ. Но въ особенности она любила старшаго своего сына Левеньку, какъ она его называла, похожаго на нее и нравомъ, и отчасти лицомъ. Блѣдный, худенькій, слабый, онъ туго росъ, тогда какъ сестра и братъ его были высоки и сильны. Скоро они его переросли. Маленькіе товарищи поддразнивали его и смѣялись надъ нимъ, что очень огорчало бѣднаго мальчика, но въ немъ рано сказались его блестящія способности. На седьмомъ году онъ самъ, безъ посторонней помощи, выучился читать.

Ему не было еще и девяти лѣтъ, когда онъ написалъ первые стихи. Они назывались „*Брань Тетки*“. Страсть къ чтенію была въ немъ такъ велика, что куда бы онъ ни приходилъ въ гости, пока другія дѣти играли и танцевали, онъ отыскивалъ какую-нибудь книгу, забивался въ уголъ и читалъ. Воспитанный женщинами, Левъ Александровичъ былъ мягкосердъ и сострадателенъ не только къ людямъ, но и ко всѣмъ животнымъ, которыхъ очень любилъ, въ особенности собакъ. Левъ Александровичъ съ раннихъ лѣтъ усвоилъ себѣ честность, трудолюбіе и гостепріимство своей родной семьи и сохранилъ ихъ на всю жизнь. Мать оставила ему въ наслѣдство свои карія очи, нервный и страстный темпераментъ, мягкій, уживчивый характеръ и безпредѣльную любовь ко всему Божьему міру. Левъ Александровичъ говорилъ всегда, что онъ соединяетъ въ себѣ четыре національности: по отцу онъ нѣмецъ; по матери — татаринъ, такъ какъ Шлыковы происходятъ отъ татаръ; по бабкѣ—полякъ; а самъ по себѣ настоящій русскій человекъ, потому, что предки его давно обрусѣли, и что онъ коренной москвичъ еще и потому, что онъ любилъ Россію всѣмъ сердцемъ, зналъ ея исторію и языкъ, какъ мало кто знаетъ, и былъ православнымъ въ полномъ значеніи слова.

На двѣнадцатомъ году, съ помощью дяди П. И. Мея, Левъ Александровичъ поступилъ въ Московскій дворянскій институтъ и сталъ тамъ первымъ ученикомъ. Ему было четырнадцать лѣтъ, когда, по приказанію Императора Николая Павловича, вызывались въ Царскосельскій лицей лучшіе ученики всѣхъ казенныхъ заведеній Россіи; Левъ

Александровичъ попалъ въ ихъ число. Тяжело ему было расставаться съ матерью и семьей. Это было его первое сердечное горе.

Въ Петербургѣ дядя Петръ Ивановичъ принялъ его, какъ родного сына. Царское Село съ его садами и прудами, гдѣ плавали черныя лебеди, пышность тогдашняго двора и близость къ нему лицействовъ, самый лицей и вся новая обстановка произвели на Льва Александровича чарующее впечатлѣніе. Ему показалось все это какимъ-то волшебствомъ, одною изъ тѣхъ сказокъ, какія онъ слышалъ въ младенчествѣ, и онъ чувствовалъ себя героемъ этой волшебной сказки. Все, на что большинство изъ его товарищей не обращало никакого вниманія, глубоко врѣзывалось въ его душу и способствовало развитію его поэтическаго таланта.

Въ лицей такъ же, и въ дворянскомъ институтѣ, Левъ Александровичъ учился отлично. Но, кромѣ научныхъ занятій, онъ усердно началъ заниматься гимнастикой, Левъ Александровичъ стыдился своей физической слабости и рѣшился побороть ее. Дѣйствительно въ послѣдствіи онъ сдѣлался очень силенъ. Это былъ уже юноша. Вмѣстѣ съ силою въ немъ пробудились молодечество и удалъ. Лицейскія стѣны становились ему тѣсны. И когда, подъ праздникъ, тайкомъ отъ начальства¹⁾, вмѣстѣ съ товарищами-лицейстами онъ мчался на лихой тройкѣ Колчина въ Петербургъ подъ звукъ колокольчика и пѣсни ямщика, мысли и чувства уносили его, быстрѣй бѣшеной тройки, въ безпредѣльную даль.

Каждый разъ, когда Левъ Александровичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ всегда бывалъ у дяди Петра Ивановича Мея; тамъ встрѣчали его ласки и радушіе родной семьи. Эти поѣздки освѣжали его и давали ему новыя силы для серьезныхъ умственныхъ занятій.

Поэтическая дѣятельность Льва Александровича началась еще въ лицей. Тамъ онъ уже участвовалъ въ двухъ журналахъ, издававшихся лицейстами, и стихи его были тогда уже замѣчены.

Настала пора любви, сердце его страстно забилося, и Китайская-Деревня, гдѣ жили молодыя фрейлины Императрицы, освѣтилась новымъ блескомъ и сдѣлалась источникомъ мукъ и наслажденій. „Въ Италію уѣхала она“, вѣроятно, и не подозрѣвая, что между смотрѣвшими на нее лицейстами былъ тотъ, кто въ то время отдалъ бы жизнь за одну ея ласку.

Но ни лицей, ни товарищи, ни идеальная любовь не могли уменьшить его любви къ матери, Левъ Александровичъ боготворилъ ее. Да и вообще все, что относилось къ его родной семьѣ, было для

¹⁾ Лицейстамъ строго запрещалось ѣздить въ Петербургъ.

него священо, не исключая и няни Перфильевны, которая всѣхъ ихъ вынянчила и дожила въ домѣ до глубокой старости, оставаясь лучшимъ другомъ и преданнѣйшею служанкою всего семейства.

Тотчасъ по выходѣ изъ Лицея Левъ Александровичъ пріѣхалъ въ Москву. Старый домъ, гдѣ онъ провелъ младенческіе годы, сгорѣлъ. Въмѣсто него былъ выстроенъ новый, гораздо обширнѣе. Половину занималъ его штабный докторъ Никотинъ. Онъ былъ вдовецъ; два его сына, Иванъ и Ѳедоръ Екимовичи, были въ то время студентами Московскаго университета, а сестра ихъ¹⁾, Екатерина Екимовна находилась еще въ пансіонѣ, но спустя нѣсколько лѣтъ, вышла замужъ за младшаго брата Льва Александровича, Вячеслава Александровича Мея. Оба семейства жили очень дружно и составляли какъ бы одну семью. Бабушку свою Аграфену Станиславну Левъ Александровичъ уже не засталъ въ живыхъ; мать и тетка постарѣли; сестра выходила изъ пансіона и сдѣлалась красивою дѣвушкой; братъ кончалъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ воспитывался его отецъ, и года черезъ два былъ выпущенъ офицеромъ въ драгунскій полкъ, стоявшій въ Оренбургѣ. Это былъ высокій, стройный юноша съ вьющимися бѣлокурыми волосами, очень красивый, но нисколько не похожій на Льва Александровича. На своемъ ворономъ конѣ онъ напоминалъ старинныхъ нѣмецкихъ рыцарей.

Левъ Александровичъ поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генераль-губернатора и началъ каждый день ходить изъ Хамовниковъ на Тверскую. Канцелярскія дѣла мало его занимали, больше всего онъ любилъ бывать въ семьѣ Полянскихъ. Они принадлежали къ хорошему московскому кругу, жили въ то время на Тверской, въ собственномъ домѣ, не далеко отъ канцеляріи генер.-губ., и Левъ Александровичъ сдѣлался у нихъ почти ежедневнымъ посѣтителемъ.

Г л а в а II.

Полянскіе и Архаровы.

Полянскіе состояли въ родствѣ съ Шлыковыми еще до рожденія Л. Ал. и до замужества его матери. Они никогда не прерывали дружескихъ отношеній къ семьѣ его и были спутниками почти всей жизни поэта.

Михаилъ Карповичъ Полянскій былъ тамбовскій дворянинъ, служилъ въ милиціи и ходилъ на Пугачева. Средняго роста, широко-

¹⁾ Стихотвореніе „*Катъ Мей*“ относится къ тому времени.

плечій, онъ обладалъ громадною силою. Одинъ съ рогатиной ходилъ на медвѣдя и всегда оставался побѣдителемъ. Мих. Карп. женился на дочери богатаго тамбовскаго помѣщика, на Еленѣ Семеновнѣ Давыдовой, и у нихъ было много дѣтей. Ближайшими ихъ сосѣдями были ¹⁾ Архаровы, пользовавшіеся при Дворѣ большою извѣстностью. Николай Петровичъ Архаровъ былъ самымъ усерднымъ исполнителемъ распоряженій императрицы Екатерины Второй по внутреннему управленію. Иванъ Петровичъ Архаровъ былъ настоящимъ представителемъ русскаго барина старыхъ временъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Замѣчательнѣйшимъ временемъ въ жизни Архаровыхъ было царствованіе Императора Павла. Государь былъ отменно милостивъ къ Ивану Петровичу, приказалъ одному полку называться Архаровскимъ и назначилъ И. П.—ча московскимъ военнымъ губернаторомъ. Но въ концѣ 1800 г. Архаровыхъ постигло несчастіе: они получили повелѣніе немедленно выѣхать изъ Москвы. Десять мѣсяцевъ Архаровы прожили въ тамбовскомъ помѣстьѣ своемъ, селѣ Разказовѣ.

Въ это-то время съ ними познакомился и подружился Михаилъ Карповичъ Полянскій. Умный, веселый, балагуръ, отличный наѣздникъ и стрѣлокъ, славный охотникъ, онъ пришелся по сердцу Архаровымъ. При немъ они забывали свое горе и не чаяли въ немъ души.

Николай Петровичъ не былъ женатъ, но Иванъ Петровичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой. У нихъ было вѣсколько дочерей. Когда всемилостивѣйшій манифестъ Императора Александра Павловича возвратилъ Архаровыхъ въ Москву, Ив. Петр. и Екат. Алек., передъ отъѣздомъ изъ Разказова, просили Полянскихъ отпустить съ ними ихъ старшую дочь, Екатерину Михайловну, которая подружилась съ ихъ дочерьми и очень имъ нравилась. Ей было тогда пятнадцать лѣтъ, и она была хороша, какъ майскій день. Въ большомъ свѣтѣ ее звали „Тамбовскою розою“.

По пріѣздѣ въ Москву Архаровы снова поселились въ Пречистенскомъ домѣ своемъ, на углу нынѣшняго Мертваго переулка, который тогда назывался Архаровскимъ. Въ ихъ домѣ собиралось избранное общество. Кромѣ лицъ знатныхъ и почетныхъ лучшіе люди того времени: Карамзинъ, Дмитріевъ, графъ Ѡ. В. Ростопчинъ и др., были постоянными посѣтителями ихъ дома, который зимою каждое воскресенье открывался для многочисленныхъ знакомыхъ ²⁾.

¹⁾ Некрологъ Александры Ив. Васильчиковой. Б. Бартеневъ № 113 „Московскія Вѣдомости“ 1855 г.

²⁾ „Московскій Альманахъ“ на 1826 г., ст. 272.

„Туда съѣзжались люди пожилые и заслуженные; тамъ почитали за честь быть всѣ извѣстные иностранные путешественники, а для молодыхъ людей лучшимъ одобреніемъ въ обществахъ московскихъ служило то, что они были приняты въ ихъ домѣ“.—Лѣтнее время Архаровы проводили въ селѣ Иславскомъ, верстахъ въ 40 отъ столицы, на прекрасномъ луговомъ берегу Москвы-рѣки, по Звенигородской дорогѣ.

Когда братъ Екатерины Михайловны, Григорій Михайловичъ Полянскій, подростъ, его тоже прислали родители въ Москву, къ Архаровымъ, и онъ много лѣтъ у нихъ прожилъ. Какъ только ему минуло шестнадцать лѣтъ, его записали на какую-то гражданскую службу. Въ домѣ Архаровыхъ Полянскій познакомился и сошелся со многими молодыми людьми его возраста и въ особенности онъ подружился съ графомъ Матвѣемъ Александровичемъ Мамоновымъ. Когда настала двѣнадцатый годъ, графъ Матвѣй Александровичъ Мамоновъ вмѣстѣ со своимъ другомъ, Григорьемъ Михайловичемъ Полянскимъ, сформировалъ извѣстный казацкій полкъ, „мамоновцевъ“, какъ называли его современники. Графъ былъ шефомъ полка, а Полянскій—его адъютантомъ, казначеемъ, квартирмейстеромъ и аудиторомъ. Въ то время каждому изъ нихъ было по 22 года, и они были неразлучны.

Въ четырнадцатомъ году они вмѣстѣ, побѣдоносно, входили въ Парижъ. Въ походной шкатулкѣ Полянскаго хранилось на миллионъ рублей звонкой монеты, для личныхъ расходовъ гр. Мамонова.

Послѣ кампаніи Мамоновскій полкъ былъ раскассированъ. Въ Москвѣ, за Нескучнымъ садомъ, на Воробьевыхъ горахъ, былъ построенъ великолѣпный дворецъ, съ огромнымъ садомъ.

Графъ Матвѣй Александровичъ Мамоновъ былъ туда отвезенъ и объявленъ сумасшедшимъ. Надъ нимъ и надъ его колоссальнымъ состояніемъ назначена была опека. Графа окружили огромнымъ штатомъ, но кромѣ докторовъ и опекуновъ, къ нему никого не пускали. А Полянскій успѣшилъ уѣхать изъ Москвы въ Калужскую губ., въ село Писковацкое.

Г л а в а III.

Домъ Паниныхъ.

Имѣніе, въ которое пріѣхалъ Григорій Михайловичъ Полянскій, принадлежало Ѳедору Александровичу Панину. Это былъ типъ богатаго русскаго помѣщика старыхъ временъ. Громаднаго роста, съ важной осанкой, онъ казался недоступнымъ. Въ молодые годы Панинъ служилъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку, женился и безвы-

ѣздно поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, въ селѣ Писковацкомъ. Панины держали дворню въ триста человекъ. Тутъ были: повара, кучера, псары, лакеи, сапожники, портные, парикмахеры, столяры, садовники и пр. Множество горничныхъ, прачекъ, швей, кружевницъ, портнихъ и т. д. У Паниныхъ были двѣ дочери: Анна и Олимпіада Ѳедоровны, и сынъ Александръ, гораздо моложе сестеръ. Когда онъ родился, ему прислали изъ Петербурга званіе камеръ-пажа.

У Ѳедора Александровича былъ другъ, Иванъ Николаевичъ Лыковъ, женатый на Кирѣевской. Она умерла, оставя ему двухъ дочерей, и года черезъ два послѣ нея Иванъ Николаевичъ Лыковъ тоже умеръ. Но передъ смертью онъ позвалъ Ѳедора Александровича Панина, сдѣлалъ его своимъ душеприказчикомъ и опекуномъ своихъ дочерей. Ѳедоръ Александровичъ далъ обѣтъ своему умирающему другу любить ихъ и заботиться о нихъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ и послѣ похоронъ отца увезъ ихъ съ собой въ Писковацкое. Старшей, Поленькѣ, было восемь лѣтъ, а второй, Анютѣ, четыре года. Но кромѣ нихъ, у Паниныхъ жили еще нѣсколько воспитанницъ, приживалокъ и учителей. Ѳедоръ Александровичъ и жена его Руфина Ивановна Панины никогда ни къ кому не ѣздили, но у нихъ бывала вся губернія, начиная съ губернатора и архіерея. Старшая дочь Паниныхъ, Анна Ѳедоровна, вышла замужъ за Шварца, онъ командовалъ Семеновскимъ гвардейскимъ полкомъ и былъ такъ жестокъ, что семеновцы взбунтовались. Младшая Панина, Олимпіада Ѳедоровна, была помолвлена за Николая Петровича Демидова. Она страстно его любила, но родители не допустили этого брака, потому что у Демидова былъ дурной характеръ. Олимпіада Ѳедоровна вышла замужъ за Алекс. Ѳед. Щулепова и черезъ годъ умерла въ чахоткѣ, а Демидовъ женился на ея двоюродной сестрѣ, знаменитой тогдашней красавицѣ, Вѣрѣ Егоровнѣ Паниной. Дочь ихъ, Александра Николаевна, была замужемъ за графомъ Алк. Густ. Армфельдомъ, министромъ Финляндіи. А дочери Анны Егоровны Паниной, вышедшей за Беринга: Меропа Александровна была за Новосильцевымъ, впоследствии московскимъ гражданскимъ губернаторомъ и посаженнымъ-отцомъ Льва Алек. Мея, вторая же, Вѣра Александровна, за Абрамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ, бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Григорій Михайловичъ Полянскій пріѣхалъ въ Писковацкое со своимъ другомъ, а вскорѣ и зятемъ Панина, Александромъ Ѳедоровичемъ Щулеповымъ, которому въ то время удалось спасти одного молодого человека Шнейдера, отъ ярости народа, хотѣвшаго растерзать его за то, что онъ иностранецъ, не умѣвшій говорить ни слова по-русски; его приняла за шпіона. Щулеповъ скрылъ его

въ своемъ домѣ, а ночью вмѣстѣ съ Полянскимъ они уѣхали въ Писковацкое. Дорогой Щулеповъ выдавалъ Шнейдера за своего камердинера и оставилъ его у Паниныхъ въ качествѣ гувернера ихъ маленькаго сына Саши. Шнейдеръ былъ такъ хорошъ собой, что барышнямъ не позволялось у него учиться, чтобы онѣ въ него не влюбились. „Покажи намъ твоего розана!“ говорили барыни-старухи Руфинѣ Ивановнѣ, когда пріѣзжали въ гости къ Панинымъ. Этотъ розанъ много лѣтъ спустя былъ профессоромъ римскаго права въ Петербургскомъ университетѣ и училищѣ Правовѣдѣнія и директоромъ 3-й Петербургской гимназіи.

Г л а в а IV.

Женитьба Г. М. Полянскаго и село Графченки.

Проживъ у Паниныхъ довольно долгое время, Полянскій вернулся въ Москву и поступилъ на службу въ почтовое вѣдомство.

Тамъ онъ подружился съ однимъ изъ своихъ молодыхъ сослуживцевъ, Ѳедоромъ Ивановичемъ Прянишниковымъ. Они служили въ одномъ отдѣленіи, но Полянскій, въ то время, занималъ мѣсто выше Прянишникова. Впослѣдствіи Прянишниковъ былъ почтъ директоромъ, что равняется теперешнему министру почтъ. Онъ сдѣлался масономъ, женился на воспитанницѣ князя Голицына, который помогъ его служебному возвышенію. Но Прянишниковъ остался до конца жизни другомъ Григорія Михайловича Полянскаго и перенесъ эту дружбу и участіе на его дѣтей.

Года черезъ четыре Полянскому снова пришлось быть у Паниныхъ. Когда онъ вторично пріѣхалъ въ Писковацкое, старшая Лыкова, Пелагея Ивановна, была уже замужемъ за мещевскимъ помѣщикомъ Иваномъ Петровичемъ Есауловымъ, а младшей, Аннѣ Ивановнѣ, только что минуло восемнадцать лѣтъ. Повеяше средняго роста, съ греческимъ профилемъ, съ высокой грудью и пышными плечами, она была чрезвычайно бѣла и свѣжа, какъ только что распустившаяся роза. Въ большихъ свѣтлыхъ глазахъ и во всей ея особѣ выражалась дѣвственная чистота. Густые, свѣтло-русые волосы кольцами падали ей до колѣнъ. Она перетягивалась въ рюмочку и танцевала, какъ Терпсихора. Въ Калугѣ жили плѣнные турки. Когда Панины дѣлали праздники, турки пріѣзжали къ нимъ въ гости. Одному пашѣ очень хотѣлось купить Анну Ивановну Лыкову, но ему растолковали, что въ Россіи дворянки не продаются. Григорій Михайловичъ Полянскій, любившій все прекрасное, полюбилъ и ее. Свадьба ихъ была въ Писковацкомъ.

Послѣ свадьбы Полянскій, съ молодою женой, вернулся въ Москву и нѣкоторое время продолжалъ еще служить, но вскорѣ вышелъ въ отставку, купилъ имѣніе въ Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, не далеко отъ Каширы, по большой Зарайской дорогѣ. Сперва это село называлось Грабченки, потому что тамъ грабили проѣзжихъ, но Григорій Михайловичъ назвалъ ихъ Графченки. Онъ началъ съ того, что перенесъ всю деревню за полторы версты и переселилъ крестьянъ на большую дорогу, а землю, гдѣ находилась прежняя деревня, доходившая почти до господскаго дома, взялъ подъ фруктовые сады и цвѣтники. Онъ вытянулъ деревню въ ленту, на далекое пространство. Между каждыми двумя домиками былъ садикъ и огородъ; въ каждой избѣ одна чистая комната для проѣзжающихъ, для деревенскихъ праздниковъ и свадебъ.

Всѣ домики были выкрашены въ красную краску съ зелеными крышами. Но не успѣлъ онъ отстроиться, какъ крестьяне сожгли новую деревню. Какъ хищные звѣри, они привыкли жить въ трущобѣ и разбойничать, имъ не понравилось открытое мѣсто и свѣтъ.

Но Полянскій былъ человекъ съ желѣзной волей. Онъ еще разъ выстроилъ деревню, и она уже больше не сгорала.

Скоро крестьяне привыкли къ своему новоселью, и оно стало имъ нравиться. Каждый хозяинъ, кто только пожелалъ, имѣлъ постоянный дворъ: такъ какъ деревня была построена на большой дорогѣ, между Каширой и Зарайскомъ, то проѣзжающихъ помѣщиковъ и обозовъ было очень много. Крестьяне стали богатѣть, а черезъ нѣсколько лѣтъ, многіе изъ нихъ сдѣлались капиталистами. Зимой они торговали рыбой. Покупали ее по дешевымъ цѣнамъ въ Каширѣ, которая стоитъ на Окѣ, и возили продавать въ Москву. Полянскій всячески способствовалъ благосостоянію своихъ крестьянъ. Онъ завелъ винокуренный и уксусный заводы; по Зарайской дорогѣ ежедневно проходили въ Москву гурты воловъ; Григорій Михайловичъ выстроилъ у самой дороги скотный дворъ на сто головъ, гдѣ останавливались гурты для отдыха и ночлега, что способствовало удобренію земли. Осенью и зимою, когда курился винный заводъ, бардой отпаивали господскій и крестьянскій скотъ, а остальную продавали гуртовщикамъ. Для облегченія народнаго труда Полянскій выписывалъ всѣ новыя машины: молотилки, вѣялки и пр. Черезъ нѣсколько лѣтъ земля была такъ хорошо обработана, что въ Графченкахъ не бывало неурожайныхъ годовъ, а земля, гдѣ съ незапамятныхъ временъ находилась старая деревня, оказалась превосходною для фруктовыхъ и ягодныхъ садовъ. Въ Графченкахъ было болѣе пяти тысячъ яблонь, самыхъ отборныхъ сортовъ. Въ урожайный годъ вывозили по сту возовъ яблокъ, кромѣ тѣхъ

которыя оставались для хозяйства. Яблони отдавались на аренду и приносили хорошій доходъ. Цѣлыя куртины превосходныхъ вишень, сливъ, грушъ, дуль, бергамотъ; цѣлые отдѣльные сады со всевозможными ягодами. Явились парники и теплицы; разрыты были огромные пруды и насажена рыба, которую нѣсколько лѣтъ не ловили, пока она не расплодилась. Вездѣ прорѣзались дорожки, тѣнистыя липовыя и кленовыя аллеи; высокій курганъ оканчивался розовымъ павильономъ; по всему обширному саду разбросаны были: боскеты, грибки, сюрпризы; прохладный гротъ украшался изображеніемъ плещущихъ Наядъ, а передъ нимъ, окруженный цвѣтами и камнями, высоко билъ фонтанъ. Подъ тѣнью столѣтняго вяза, широко раскинувшаго вѣтви, красовалась двухъ-ярусная бесѣдка съ надписью: „Solitude de mon aimable Annette“. Стѣны этого уединенія любезной Анны украшались мнѣологическими изображеніями и мягкими диванами. Верхній ярусъ бесѣдки окруженъ былъ открытой галлереей для музыкантовъ, а передъ бесѣдкой разстилался гладко выструганный полъ, обнесенный рѣшеткой съ фонарями; въ лѣтнее время тамъ танцовали. Отъ самой террасы дома на четверть версты шелъ роскошный цвѣтникъ. Тамъ красовались: піоны, нарцисы, ирисы, тюльпаны, мальвы, гвоздики, лиліи, колокольчики, красная барская сирѣнь, кусты бѣлыхъ и алыхъ розъ, сирень и пр. Цвѣтникъ доходилъ до пруда, откуда на паромѣ переѣзжали въ церковь.

Домъ былъ перестроенъ заново. Вызванные изъ Москвы художники украсили потолки и карнизы изображеніемъ богинь, амуровъ и цвѣтовъ. На яркихъ стѣнахъ появились картины въ золоченыхъ рамахъ, зеркала и гравюры. Въ бытность свою за границей, а также и въ Москвѣ Григорій Михайловичъ приобрѣлъ очень много хорошихъ вещей. Онъ любилъ ихъ и зналъ въ нихъ толкъ. Когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, всѣ онѣ оставались въ домѣ сестры его, Екатерины Михайловны Шлыковой, но какъ только отстроился Графченскій домъ, Полянскій перевезъ туда всѣ свои драгоценности, такъ что цѣлый рядъ комнатъ превратился въ маленькій эрмитажъ.

Каменные погреба фундамента наполнились запасами: вареній, соленій, копченій, маринованій и всего, что прежніе помѣщики заготавливали въ огромномъ количествѣ, для принятія гостей.

Въ отдѣльномъ погребѣ хранились вина, водки, наливки и шипучки, приготовленныя дома.

Какъ бывшій кавалеристъ, Полянскій очень любилъ хорошихъ лошадей и экипажи.

Кромѣ надворныхъ строеній, было построено нѣсколько флигелей. Одинъ изъ нихъ назначался для музыкантовъ. Какъ только

Полянскій купилъ имѣніе, онъ прежде всего выбралъ мальчиковъ изъ дворовыхъ и крестьянъ: одного изъ нихъ послалъ въ Москву, въ Англійскій клубъ, учиться поваренному дѣлу; нѣсколько мальчиковъ опредѣлилъ въ садовники, подъ надзоръ садовника-нѣмца, а изъ другихъ составилъ оркестръ музыкантовъ и послалъ ихъ къ Панинымъ въ Писковацкое, учиться музыкѣ. А когда они вернулись, для нихъ былъ нанятъ въ Тулѣ семинаристъ, онъ училъ ихъ грамотѣ и закону Божию, кромѣ того выписанъ изъ Москвы хорошій капельмейстеръ. Черезъ нѣсколько лѣтъ у Полянскаго былъ прекрасный оркестръ; нѣкоторые изъ музыкантовъ вышли очень талантливые люди, такъ что впослѣдствіи давали концерты въ Москвѣ, и большая часть изъ нихъ поступили въ театральнй оркестръ.

Полянскій обратилъ особое вниманіе на нравственность крестьянъ: искоренилъ пьянство и разбой, выгналъ изъ своего имѣнія кабакъ, притонъ всѣхъ грабежей; не позволялъ мужикамъ бить своихъ женъ, такъ же какъ не позволялъ старостѣ давать беременнымъ и слабымъ женщинамъ тяжелыхъ работъ.

Онъ заново отстроилъ церковь и поновилъ иконостасъ. Самъ съ семействомъ бывалъ каждый праздникъ въ церкви, и всѣ крестьяне обязаны были ходить къ обѣднѣ и каждый годъ говѣть. Послѣ литургіи священникъ говорилъ имъ проповѣди и поученія.

Когда у крестьянина падала лошадь или корова, ему сейчасъ же покупали новую, но производилось слѣдствіе, отъ чего она пала? Григорій Михайловичъ былъ покровителемъ животныхъ и не могъ переносить жестокаго съ ними обращенія и также, какъ Левъ Александровичъ Мей, не любилъ охоты.

Въ Графченкахъ былъ такой обычай: когда крестьянинъ женился, то на другой день молодые приходили на поклонъ къ господамъ. Новобрачная получала въ подарокъ красный кумачный сарафанъ, обшитый галунами; а новобрачный кафтанъ, тоже съ галунами. Черезъ нѣсколько лѣтъ этихъ сарафановъ развелось такъ много, что они переходили къ сестрамъ и дочерямъ, и когда молодая крестьянка работала въ саду, онѣ, какъ красный макъ, мелькали въ густой зелени. Черезъ нѣсколько лѣтъ, изъ разбойничьей трущобы, Графченки превратились въ уголокъ земного рая. Современники называли Г. М. Полянскаго „маленькимъ Наполеономъ“. Это былъ умный, добрый, энергичный человекъ, съ эстетическими стремленіями. На Графченкахъ выразился вкусъ времени.

Г л а в а V.

Анна Ивановна.

А пока Григорій Михайловичъ устраивалъ свое имѣніе, что же дѣлала Анна Ивановна? Она пѣла подъ свой аккомпаниментъ романсы; декламировала цѣлыя тирады изъ Расина и Корнея; знала наизусть всѣ поэмы Пушкина и баллады Жуковскаго; очень хорошо знала греческую мѣологію; читала романы, на чувствительныхъ мѣстахъ плакала; принимала гостей и танцевала. Когда въ Графченкахъ дѣлались праздники, гости пріѣзжали наканунѣ и раньше.

Тогдашніе помѣщики ѣздили въ большихъ высокихъ каретахъ—цугомъ, съ фореиторомъ, двумя лакеями, съ горничной, съ дѣтьми и гувернантками.

Изъ Каширы, гдѣ всегда стоялъ какой-нибудь армейскій полкъ, пріѣзжалъ полковой командиръ со своими офицерами. Гости жили по нѣскольку дней.

Анна Ивановна любила природу, цвѣты, поэзію и музыку. А мужъ любилъ ее и баловалъ, какъ ребенка. Онъ звалъ ее „Annette“, а она его „Mon пагі“. Она любила этикетъ и приличія. При всякомъ нескромномъ разговорѣ краснѣла и не допускала въ своемъ присутствіи никакихъ вольностей.

Первые годы у Полянскихъ не было дѣтей, и когда родился первый сынъ Михайлъ, появленіе на свѣтъ было принято съ восторгомъ. Когда мальчикъ немного подросъ, отецъ развелъ новый садъ, построилъ тамъ мавзолей, въ верхней части его красовался гербъ Полянскихъ, съ девизомъ: „Dum spiro—spero“, а въ низу была надпись: „Jardin de mon fils Michel“. Но послѣ этого первенца у нихъ было еще очень много дѣтей, большая часть изъ нихъ умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ. Когда родилась старшая дочь, отецъ назвалъ ее Софіей, въ память своей первой, юношеской любви къ Софѣ Ивановнѣ Шлыковой, родной сестрѣ матери Льва Александровича Мея. Софья Ивановна умерла въ расцвѣтѣ лѣтъ. Л. А. упоминаетъ о своей теткѣ въ стихотвореніи „Покойнымъ“:

„Какъ нѣжны очерки лица и шеи бѣлой,
Какъ горделивъ погибъ у этой брови смѣлой,
Какъ молодая грудь легко округлена!“

Анна Ивановна очень мало занималась хозяйствомъ, для этого были ключницы и экономки. Въ кухню и людскую она никогда не ходила, это считалось неприличнымъ. Анна Ивановна не могла переносить никакой распушенности: она строго соблюдала всѣ приличія, любила этикетъ; въ домѣ порядокъ, чистоту, изящную обста-

новку. Для своихъ швей и кружевницъ она рисовала и составляла узоры и сама очень хорошо вышивала гладью. Съ ранней весны, какъ только появлялись первые подснежники и ландыши, ея дорогія фарфоровыя вазы ежедневно наполнялись свѣжими цвѣтами. Анна Ивановна жила въ какомъ-то идеальномъ мірѣ, не желая узнавать худой, въ особенности грязной стороны жизни. Она до преклонныхъ лѣтъ сохранила моложавый видъ, идеальный вкусъ. „Мама все букеты собираетъ“ говорилъ ей старшій сынъ, подсмѣваясь. А Левъ Александровичъ Мей говорилъ о своей тещѣ, что онъ никого не знаетъ добрѣе ея.

Г л а в а VI.

Михаилъ Карповичъ и Елена Семеновна Полянскіе.

Михаилъ Карповичъ и Елена Семеновна, продавъ свое тамбовское имѣніе, переѣхали въ Графченки. Для нихъ выстроили отдѣльный флигель, и они стали жить отдѣльною жизнью.

Въ большомъ домѣ вставали и ложились поздно; лакеи служили во фракахъ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ; постоянно были гости; каждый день играла музыка и очень часто танцевали.

Старые господа вставали въ четыре часа утра, круглый годъ. Два часа они молились: Михаилъ Карповичъ читалъ вслухъ очередное евангеліе, псалтырь, каноны и все, что относилось къ дневному богослуженію. Въ шесть часовъ они кушали чай, въ двѣнадцать обѣдали. Послѣ обѣда два часа отдыхали; въ пять опять пили чай и въ 8 ужинали. Послѣ чего еще часъ молились и въ девять часовъ были уже въ постели. Они соблюдали всѣ посты и за трапезой не разговаривали.

По праздникамъ Михаилъ Карповичъ читалъ всегда апостола въ церкви. Въ хозяйство сына онъ не вмѣшивался, но любилъ ходить на заводъ или на постройки, и самъ принималъ въ нихъ участіе, особливо когда былъ случай выказать свою молодецкую силу. Вообще, онъ цѣлые дни что-то точилъ, рубилъ и стругалъ; иногда ходилъ на охоту, съ ружьемъ и своей лягавой собакой.

Въ большомъ домѣ старые господа рѣдко бывали, но къ нимъ ежедневно приходилъ сынъ, невѣстка и дѣти.

Михаилъ Карповичъ любилъ пчелъ, и какъ только начиналась весна, онъ выбиралъ въ саду какое-нибудь возвышенное мѣсто, тамъ ему расчищали площадку, переносили его пчелиные ульи и разбивали вокругъ цвѣтники для пчелъ, а шалашъ онъ строилъ себѣ собственноручно. Въ шалашъ переносилась его постель, по стѣнамъ

его онъ развѣшивалъ свои ружья и охотничьи доспѣхи; бралъ нѣсколько священныхъ книгъ и на все лѣто переселялся туда, со своей собакой. Два лѣта сряду Михаилъ Карповичъ никогда не жилъ на томъ же мѣстѣ, но всегда выбиралъ такое, гдѣ было много липъ. Но онъ ежедневно, по нѣскольку разъ приходилъ въ свой флигель, чтобы молиться и трапезовать вмѣстѣ съ Еленой Семеновной. Перваго августа онъ присылалъ, въ подарокъ, сыну и внучатамъ собственнаго меда. Замѣчательно, что пчелы никогда его не кусали, онъ какъ-будто знали его. Когда внучата подросли, они любили бѣгать къ дѣдушкѣ на пчельникъ, или зимой, усѣвшись съ ногами на теплую лежанку, слушали о томъ, какъ жила въ старину: о Пугачевѣ, о разбойникахъ, дѣдушка училъ ихъ пословицамъ и загадкамъ. „Мы столбовые дворяне“, говорилъ онъ своей восьми-лѣтней внучкѣ, показывая длинные и узкіе, какъ ленты, хуски толстой испанской бумаги. „Это все наша родословная. Мы записаны въ шестой дворянской книгѣ“.

Одинъ разъ, его маленькая внучка простудилась и заболѣла. Послали въ Каширу за полковымъ докторомъ. Михаилъ Карповичъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ большой домъ, вывелъ на крыльцо дѣвочку, поставилъ ее лицомъ къ лѣсу и велѣлъ повторять за собой: „лѣсъ, лѣсъ, съѣмъ тебя, проглочу тебя, съ корнями, вѣтвями, листьями“ и пр. Послѣ чего приказывалъ три раза дунуть и плюнуть. Продержавъ ее на открытомъ крыльцѣ, съ четверть часа въ одномъ коротенькомъ платьѣ и легкихъ туфляхъ, въ трескучій морозъ, онъ привелъ ее домой. А когда пріѣхалъ докторъ, она была уже совершенно здорова.

„Съѣла ты моего Алешу“, говорилъ онъ своей невѣсткѣ, когда умеръ его любимый внукъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Алеша умеръ оттого, что мать его сглазила. Каждую субботу Мих. Кар. ходилъ въ баню. Ее такъ натапливали, что рѣдко кто могъ выносить такой жаръ, но онъ взбирался на потолокъ и заставлялъ себя парить, послѣ чего выходилъ на дворъ и на снѣгу приказывалъ обливать себя холодною водою, онъ называлъ это:—освѣжиться, и снова возвращался въ баню. Боленъ онъ былъ только одинъ разъ, и всю жизнь это помнилъ. „Былъ я тогда, говорилъ онъ, очень молодъ, еле-еле первый усъ сталъ пробиваться, и приключилась со мною горячка, вотъ и далъ мнѣ докторъ какое-то „олимпъ-оливаримъ“. Въ медицину онъ не вѣрилъ и насмѣхался надъ докторами. Не вѣрилъ такъ же, что можно счесть звѣзды небесныя и измѣрить глубину морскую. Мих. Карп. не любилъ, когда у него спрашивали, сколько ему лѣтъ? — „Много, батюшка, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ, и не сочтешь!“ Онъ былъ широкъ и мускулистъ; свѣжъ и

румянъ лицомъ; вокругъ небольшой лысины вились густые, серебряные волосы; изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей бойко и насмѣшливо смотрѣли голубые глаза. Ходилъ онъ скоро и твердо, а бѣгалъ такъ шибко, что никто изъ ребятишекъ не могъ перегнать его въ горѣлки, хотя, какъ полагали, лѣтъ ему было въ ту пору около восьмидесяти. Въ свое время едва-ли кто могъ съ нимъ сладить, да и тогда еще ни одинъ парень не вывертывался изъ подъ руки его. А какой онъ былъ балагуръ, какой весельчакъ! На каждое слово у него была своя поговорка, или пословица.

„Дѣдушка, вы были влюблены въ бабушку“? Насмѣшливо спросилъ его одинъ разъ старшій внукъ.

— Я любилъ и уважалъ твою бабуку“, отвѣчалъ онъ ему строго. „Въ наше время въ благородныхъ дѣвицъ не влюблялись, это считалось непристойнымъ, но ихъ любили и уважали“.

Пока Мих. Кар. охотился и пировалъ съ сосѣдями, въ своемъ Тамбовскомъ имѣніи, Елена Семеновна занималась воспитаніемъ дѣтей и вела не только домашнее, но и сельское хозяйство¹⁾. Ея свѣтлый умъ, твердость воли, благочестивая жизнь и необычайная доброта пріобрѣли ей любовь и уваженіе, не только ея дѣтей и родныхъ, но всѣхъ, кто знавалъ ее. Ел. Сем. рассказывала, какъ она выходила замужъ. Жениха ей выбрали батюшка съ матушкой; по тогдашнимъ обычаямъ, невѣста не должна была видѣть его до самой свадьбы, но ей такъ хотѣлось взглянуть на своего суженаго, что она рѣшилась подсмотрѣть его въ замочную скважину. Женихъ ей понравился, онъ былъ очень красивъ, но она думала, что совершила ужасное преступленіе. Ее такъ мучила совѣсть, что она рѣшилась покаяться во всемъ своему духовнику, и только тогда успокоилась, когда получила отъ него разрѣшеніе своего тяжкаго грѣха.

Ел. Сем. дожила до восьмидесятилѣтняго возраста, и, уже слѣпая, такъ тонко и ровно пряла на самопрялкѣ, что могла поспорить съ лучшей пряхой. Въ семьѣ ничего серьезнаго не совершалось безъ совѣта и согласія Мих. Кар. и Ел. Сем., на которую еще заживо смотрѣли какъ на святую. Мих. Кар. былъ гораздо старше своей жены, но пережилъ ее на много лѣтъ. Когда Григ. Мих. продалъ Графченки и переселился на житье въ Москву, Мих. Кар. не пожелалъ съ нимъ ѣхать, но перешелъ въ домъ священника, стояв-

¹⁾ Рассказъ Л. А. Мея „Батя“ такъ правдивъ, что могъ бы служить біографіей для описанныхъ въ немъ: Мих. Карп. и Елены Сем. Полявскихъ, только сына ихъ, рассказывающаго про Батю, звали не Карпомъ, а Григоріемъ Михайловичемъ.

шій въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ церкви, возлѣ которой былъ семейный склепъ Полянскихъ. Онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ проводилъ нѣсколько часовъ на дорогахъ ему могилахъ. Въ остальное время читалъ духовныя книги, молился и бесѣдовалъ со священникомъ. Только одинъ разъ во все время онъ пріѣзжалъ въ Москву, повидаться съ сыномъ и внучатами. Это было зимою, поднимаясь какъ-то по лѣстницѣ, онъ поскользнулся, упалъ и вывихнулъ въ плечѣ ключицу. Его посадили въ карету и отвезли въ городскую больницу. Всѣ бывшіе тамъ доктора собрались смотрѣть и дивиться желѣзному складу этого столѣтняго старика. Мих. Карп. требовалъ, чтобы ему растопили мѣди, что онъ ее выпьетъ и запаяетъ себѣ плечо. Мѣди ему не дали, но недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился и уѣхалъ опять въ Графченки. Возвратясь къ священнику, онъ пожертвовалъ всѣ свои образа и книги въ церковь, собственноручно построилъ себѣ хижину на семейномъ склепѣ и сталъ жить отшельникомъ, но вскорѣ умеръ на прахѣ своей жены, дѣтей и внучатъ. Его положили рядомъ съ Еленой Семеновной.

Глава VI.

Екатерина Михайловна Шлыкова и Софья Григорьевна Полянская.

Екат. Мих. Полянская была красавица и умница. Она очень нравилась въ большомъ свѣтѣ. Между многими искателями ея руки были очень богатые и знатные люди, но тогда былъ романическій вѣкъ: богатствомъ и знатностью она увлекалась, но желала выдти замужъ по любви. Въ числѣ посѣщавшихъ домъ Архаровыхъ былъ молодой офицеръ: Александръ Алексѣевичъ Шлыковъ, онъ понравился Екат. Мих., и она вышла за него замужъ. Это былъ двоюродный братъ Ольги Ив. Шлыковой, матери Льва Алек. Мея.

Въ двѣнадцатомъ году семейство Ив. Петр. Архарова оставило Москву за два дня до вступленія въ нее непріятели и принуждено было поселиться на время въ Нижнемъ Новгородѣ, куда собралось тогда почти все высшее общество Москвы. По изгнаніи французовъ, Архаровы уже не могли жить по-прежнему въ Москвѣ: домъ ихъ со всѣмъ убранствомъ и пожитками сгорѣлъ. Подмосковное имѣніе—Иславское было разорено, и они переселились въ Петербургъ. Тамъ въ скоромъ времени, одинъ за другимъ умерли Ив. Петр. и Никол. Петровичъ Архаровы. Главою семейства осталась Екатерина Александровна. Она была кавалерственная дама и пользовалась особыми милостями и уваженіемъ Царскаго семейства. Самъ Госу-

дарь Александръ Павловичъ нерѣдко удостоивалъ ее своимъ посѣщеніемъ и запросто проводилъ у нея вечера. Обѣ дочери Ек. Алек. были уже давно замужемъ: старшая Софья Ивановна вышла за графа Александра Ив. Соллогуба, отца извѣстнаго писателя Владимира Алек., а младшая—Александра Иванов. за Алексѣя Васильевича Васильчикова, внука гетмана Разумовскаго.

Екатерина Мих. Шлыкова очень рано овдовѣла. Она пріѣхала въ Графченки. чтобы въ родной семьѣ найти утѣшеніе своему горю, и прожила съ родными нѣсколько лѣтъ, принимая участіе въ воспитаніи дѣтей. Въ то время Ек. Ал. Архарова дѣлалась уже очень стара. Она просила Ек. Мих. пріѣхать къ ней и провести съ нею послѣдніе годы ея жизни. Ек. Мих. пріѣхала въ Петербургъ, но, проживъ тамъ года съ два, начала тосковать по своимъ. Дѣтей у нея не было, а она желала имѣть кого-нибудь близкаго-родного. Чтобы удержать при себѣ Ек. Мих., Ек. Алекс. Архарова предложила ей взять къ себѣ старшую племянницу, обѣщаясь позаботиться объ ней и отдать ее въ институтъ своей пансіонеркой. Ек. Мих. обрадовалась, тотчасъ же написала объ этомъ брату и невѣсткѣ. Полянскіе, снарядивъ наскоро старшую дочь ихъ Софью, отвезли ее сперва въ Москву, къ теткѣ, второй сестрѣ ея отца, Натальѣ Михайловнѣ Оголиной, а черезъ нѣсколько времени, съ благонадежнымъ попутчикомъ, отправили въ Петербургъ.

Въ то время Ек. Ал. Архарова жила на углу Караванной и Итальянской улицъ, въ домѣ Голубцова. Она занимала одну половину бель-этажа, а въ другой помѣщалась старшая дочь ея Софья Ив. съ мужемъ графомъ Алек. Ив. Соллогубомъ, а сыновья ихъ: Левъ Алек., тогда Измайловскій офицеръ, и Владиміръ Алек., окончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, жили въ томъ же домѣ, внизу.

Екатер. Мих. была несказанно рада пріѣзду своей маленькой племянницы и крестницы, которая стала называть ее мамою. Старушка Архарова и всѣ домашніе полюбили Сонюшку и начали ее баловать: ей дарили затѣйливыя игрушки, книжки, лакомства. Ек. Мих. нарядила свою крестницу, какъ куклу. Въ институтъ поступать оказалось еще слишкомъ рано—не по лѣтамъ, такъ что для подготовки пригласили учителей, а французскимъ языкомъ занялась съ ней жившая у Ек. Алек. воспитанница Смольнаго монастыря, Анна Николаевна Симевская. Ек. Ал. Архарова не разставалась съ своими дочерьми: зимой, какъ было сказано, она жила вмѣстѣ съ графиней С. Ив. Соллогубъ, а лѣтомъ на дачѣ, въ Павловскѣ съ Алек. Ив. Васильчиковой. Эта дача построена была въ видѣ покоя, по сторонамъ тянулись одноэтажные флигеля; одинъ изъ нихъ за-

нѣмала Ек. Ал. съ своимъ штатомъ, а другой семейство Васильчиковыхъ. Соединявшая ихъ поперечная галлерія съ стеклянными рамами и выходящая въ чудный цвѣтникъ, служила общимъ мѣстомъ сборища. Дальше раскинулся садъ съ прудомъ, а за нимъ лугъ, на которомъ устроены были качели, гимнастика; тамъ, когда собиралось много дѣтей, играли въ „бары“ и пр.

Наконецъ, пришло время поступать въ казенное заведеніе. Отслужили молебень, Ек. Алек. сама торжественно отвезла свою воспитанницу въ Екатерининскій институтъ.

А. Г. Полянская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

